Научная статья
УДК 81’42:070(476)+81’42:070(73)

Медийный дискурс США и Республики Беларусь в аспекте взаимодействия категорий модуса и модальности

П. П. Глазко

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Белоруссия
pavel.hlazko@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности взаимодействия категории модальности с модусными категориями оценки, экспрессивности и эмотивности в медиадискурсе США и Республики Беларусь. Результаты лингвостилистического, контекстуального и сопоставительного анализа с опорой на анализ словарных дефиниций свидетельствуют об актуализации модальных значений возможности в простых модально-модусных комбинациях, в то время как для сложных модально-модусных комплексов более характерными являются модальные значения волеизъявления.

Ключевые слова: медиадискурс, модальность, модус, оценочность, эмотивность, экспрессивность, сопоставительная лингвистика

Для цитирования: Глазко П. П. Медийный дискурс США и Республики Беларусь в аспекте взаимодействия категорий модуса и модальности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. 8 (889). С. 25–31.

Original article

Media Discourse of the USA and Belarus from the Aspect of Interaction between the Categories of Modus and Modality

Pavel P. Glazko

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
pavel.hlazko@gmail.com

Abstract. The article examines the features of the interaction of modality with the categories of evaluation, expressiveness, and emotiveness in media discourse of the USA and Belarus. The results of linguistic-stylistic, contextual, and comparative analysis, based on the analysis of dictionary definitions, indicate the actualization of modal meanings of possibility in simple combinations of modality and modus, while for complex modus-modality constructs the meanings of volition are more characteristic.

Keywords: media discourse, modality, modus, evaluation, emotiveness, expressiveness, comparative linguistics

For citation: Glazko, P. P. (2024). Media discourse of the USA and Belarus from the aspect of interaction between the categories of modus and modality. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(889), 25–31. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Непоследовательность и неупорядоченность употребления терминов *модус* и *модальность* в лингвистической литературе обусловливается, прежде всего, их статусом и семантической смежностью: и модус и модальность имеют универсальный категориальный характер, они «исходят от говорящего и заключают в себе его отношение к тому, о чем идет речь в предложении» [Шмелева, 1984, с. 78].

В рамках традиционного подхода модальность понимается как категория, «выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [Ляпон, 1990, с. 303]. В данном определении предпринимается попытка объединить различные виды отношения как ключевого для модуса и модальности понятия: с одной стороны, речь идет об отношении содержания предложения к реальному положению дел, с другой – границы модальности расширяются за счет включения в разряд модальных значений отношения говорящего к тому, что сообщается.

В «Исследованиях по русской грамматике» В. В. Виноградов рассматривает модальность в качестве синтаксической категории, передающей отнесенность содержания речи к действительности [Виноградов, 1975]. Однако в своей более поздней работе «Русский язык» ученый представляет более широкое определение модальности за счет включения в объем данного понятия, помимо значений реальности / нереальности, также и смыслов, связанных с выражением отношения говорящего к сообщаемому [Виноградов, 1986]. Таким образом, формируется концепция объективной (отношение содержания высказывания к действительности) и субъективной модальности (отношение говорящего к содержанию высказывания).

В современной лингвистике деление модальности на объективную и субъективную неоднократно становилось объектом критики. Во-первых, ввиду того, что высказывание исходит от говорящего субъекта, то и отношение содержания высказывания к действительности, по своей сути, также является субъективным, т. е. передающим точку зрения адресанта [Паўлоўская, 2001]. Во-вторых, А. В. Зеленщиковым ставится под сомнение возможность и методологическая целесообразность объединения в рамках одной категории весьма разнородных понятий: традиционная трактовка модальности является настолько широкой, что представляется проблематичным вычленение каких-либо интегральных признаков, необходимых для формирования языковой категории. В этой связи А. В. Зеленщиков предлагает в качестве категориального признака модальности рассматривать «характеристику содержания предложения с точки зрения принадлежности описываемой ситуации действительному миру» [Зеленщиков, 2009, с. 73].

По сравнению с *модальностью*, *модус* является понятием относительно недавно вошедшим в лингвистический обиход. Основоположником теории модуса считается Ш. Балли. В своей работе «Общая лингвистика и вопросы французского языка» швейцарский лингвист выделяет и противопоставляет в структуре высказывания диктумный компонент, т. е. «представления, воспринятого чувствами, памятью или воображением», и модусному, т. е. «производимой над этим представлением мыслящим субъектом психической операции» [Балли, 1955, с. 44]. Иными словами, если диктум передает информацию об объективном положении дел в контексте окружающей действительности, то модус указывает на «все возможные формы участия говорящего в сообщении» [Краснова, 2002, с. 17], выражает отношение говорящего к диктуму, придает диктуму необходимую эпистемическую определенность [Рябцева, 1993].

На сегодняшний день можно говорить о трех видах соотношения *модуса* и *модальности*. В некоторых исследованиях модус и модальность используются как синонимичные понятия [Краснова, 2002] ввиду субъективного субстрата, на котором выстроены обе категории. Но даже при четком разграничении терминов «модус» и «модальность» взгляды на их соотношение у лингвистов расходятся. В работах В. Г. Гака, О. А. Кобриной, М. В. Всеволодовой и других ученых данные понятия характеризуются отношениями включения. Но если у В. Г. Гака, Т. В. Шмелевой, О. А. Кобриной *модальность* представлена как одна из модусных категорий, то у М. В. Всеволодовой *модус* рассматривается в составе более широкого функционально-семантического поля категории модальности [Гак, 2000; Шмелева, 1984; Кобрина, 2006; Всеволодова, 2017].

О целесообразности дифференциации модуса и модальности свидетельствует специфика их функциональных характеристик. Так, по мнению О. А. Кобриной, модусы являются следствием продуманной тактики (политическая корректность, этикет, ориентированность на возраст и социальное положение, приукрашивание, упрощение и др.), и целенаправленный выбор и реализация всех этих тактик на сентенциональном и текстовом уровнях отражают спланированное отношение говорящего к коммуникации и рассматриваются в свете прагматики [Кобрина, 2006]. На этом основании модус следует отнести к категориям коммуникативно-прагматического плана.

Модальность же, выражая «отношение говорящего лица к характеру соотношения между содержанием высказывания и объективной реальностью» [Зайнуллин, 1986, с. 120], выступает в качестве инвариантного понятия, объединяющего конкретные типы модальных значений. При этом «конституенты функционально-семантической подсистемы модальности образуют систему языковых вариантов, «языковой репертуар» категории, из которого говорящий черпает формы выражения модальных отношений в процессе общения» [Беляева, 1985, с. 3]. Следовательно, модальность целесообразно отнести к функционально-семантическим категориям.

Целью нашего исследования является установление закономерностей взаимодействия модальных и модусных значений в медиадискурсе США и Беларуси. При этом под модальными понимаются значения, образующие макрополя вероятности и волеизъявления. В структуру макрополя модальности вероятности входят проблематическая, простая, категорическая достоверность и возможность, а макрополе модальности волеизъявления включает в себя категории оптативности, необходимости и императивности [Паўлоўская, 2001]. Модусные категории представлены значениями оценки, экспрессивности и эмотивности, которые, на наш взгляд, в наиболее полной мере раскрывают авторскую специфику медиатекста как главной составляющей медиадискурса.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужили 300 текстов персональных жанров (колонка, эссе, мнение, блог и др.), отобранные методом сплошной выборки на официальных сайтах газет США («The New York Times», «The Washington Post», «The Atlantic», «The Wall Street Journal» и др.) и Республики Белоруссия («Минск-Новости», «АиФ в Беларуси», «Здоровый образ жизни», «Гомельские ведомости», «Маяк» и др.) за период 2020–2023 год (по 150 текстов на каждом языке). Результаты лингвостилистического, трансформационного и контекстуального анализа с опорой на анализ словарных дефиниций позволяют утверждать, что взаимодействие рассматриваемых категорий в медиадискурсе на двух языках происходит в рамках простых модально-модусных комбинаций или модально-модусных комплексов.

ПРОСТЫЕ МОДАЛЬНО-МОДУСНЫЕ КОМБИНАЦИИ

Простые модально-модусные комбинациии представляют собой следующие виды сочетаний: *модальность + оценка*, *модальность + эмотивность*, *модальность + экспрессивность*.

Общей чертой актуализации таких сочетаний в медиадискурсе США и Белоруссии является использование в преимущественном большинстве случаев (69 % и 78 % соответственно) языковых средств выражения модальности вероятности. Так, в следующих примерах можно видеть средства выражения модуса эмотивности в сочетании с модальностью простой достоверности:

> I'm ***awkward*** and ***uncomfortable*** in social situations, virtual or otherwise. But after awhile, I got into it. I started to ***enjoy*** talking about writing with people from different walks of life. I *felt*, at last, ***like an author*** (*The Washington Post. 05.02.2023*). – Особого внимания заслуживают контактные гонки. Какие они яркие и эмоциональные. Когда закрываются пять заветных мишеней, кажется, что ***сердце стучит в такт с сердцами спортсменов*** (*Зара над Сожам. 13.01.2023*).

Реализацию того же типа модального значения наблюдаем в комбинации с экспрессивными фигурами лексического уровня в следующих контекстах:

> The writers and artists ***argue*** that the companies behind these models didn't ask permission before ***hoovering up*** countless people's life work (*The Washington Post. 24.11.2023*). – Время от времени я предпринимаю попытки ***сократить популяцию чашек***: периодически пакую ***беглянок*** в обувные коробки и ***отправляю на балкон в ссылку***, провожу акции под лозунгом «***Один человек – одна чашка***» (*Авангард. 14.10.2021*).

Модальные и собственно оценочные средства могут при этом находиться в различных типах взаимоотношений, обусловленных прагматическими установками автора дискурса:

> But for every way you can invent to help people make ***good*** decisions, there is a related strategy that can be devised to ***do harm***, ***impede*** progress or make a buck (*The Washington Post. 04.08.2021*). – Однако именно старшую школу в России захватила эпидемия – курят поголовно все. Я ***далек от мысли***, что ситуация в нашей стране ***лучше*** (*Минск – Новости. 07.04.2023*).

> It's ***good*** for me to know I ***can*** stand on my own two feet (The New York Times. 08.12.2023). – И это здорово, что мы про Беларусь узнаем больше (*Минск – Новости. 26.05.23*).

Во всех приведенных выше примерах оценочные средства (*good*, *do harm*, *impede*, *лучше*, *здорово*)

связаны со средствами выражения модальности возможности (глагол *can*, формы индикатива) отношениями координации / субординации. Однако в первом случае модальность координирует оценку, а во втором подчиняется оценке. Соответственно, в первом случае акцент делается на возможности / констатации существования чего-то хорошего или плохого, а во втором на первый план автором выводится ценность определнной возможности / положения вещей.

В Белоруссии, в отличие от англоязычного медиадискурса (7 % случаев), в русскоязычном медиадискусре оценка гораздо чаще (24 % случаев) может быть имплицитно выражена в высказывании, в частности встроена в модальный оператор:

> Choosing to leave one platform means losing your audience forever. You ***can't*** take it with you (*The New York Times. 15.07.2023*). – И, честно говоря, как бы сети не были оперативны, ***никогда не смогут*** они заменить шелест и запах газетной бумаги, не вызовут они и особого чувства наслаждения при пролистывании страниц (*Зара над Сожам. 30.12.2022*).

В данном случае наблюдается наслоение модального и оценочного значений, и модальность возможности одноверменно являяется и средством языковой реализации негативной оценки.

Вместе с тем для англоязычного медиадискурса более характерна комбинация модальности и оценки, основанная на кооперативном взаимодействии этих значений (46 %). В медиадискурсе Белоруссии такие случаи являются менее представленными (11 %):

> What followed was a speech that ***may well define*** Biden's presidency (*The Atlantic. 20.10.2023*). – У нас действительно ***здорово организованы*** чиновники, военные, участники профсоюзов, общественники да и просто сотрудники больших предприятий (*Минск–Новости. 28.04.2023*).

МОДАЛЬНО-МОДУСНЫЕ КОМПЛЕКСЫ

Модально-модусные комплексы представляют собой комбинации модальных значений с несколькими модусными значениями, а именно:

- модальность + экспрессивность + оценка;
- модальность + эмотивность + оценка;
- модальность + экспрессивность + эмотивность;
- модальность + экспрессивность + эмотивность + оценка.

Общей тенденцией актуализации таких комплексов в медиадискурсе США и Белоруссии является использование в преимущественном большинстве случаев (73 % и 84 % соответственно) языковых средств выражения модальности волеизъявления. Так, в следующих примерах схожим образом объединены средства актуализации модуса экспрессивности (в виде именной метафоры *explosion of fighting* и эпитета *шершавый*), модуса эмотивности (*doubt – страдать*) и модального значения необходимости (*should– необходимость*):

> But the ***explosion of fighting*** in Israel and Palestine in recent days makes clear something that never ***should*** have been in ***doubt***: justice for the Palestinians is a precondition for peace (*The New York Times. 17.05.2021*). – Но другая и более значительная часть меня всегда очень ***страдала от необходимости*** жить в тесном соседстве с этим ***шершавым*** миром (*АиФ в Беларуси. 12.12.2023*).

Похожий паттерн можно наблюдать и в случае сочетания экспрессивных средств с эмотивными единицами и модальным значением оптативности, выражаемом преимущественно лексически в англоязычном медиадискурсе (87 %). Пример ниже объединяет метафору (*to spin myself into a web*), эмотивную единицу (*regret*) и глагол со значением желания (*want*):

> Speaking for myself, it's well past half-time and I don't ***want to spin myself into a web*** of ***regret*** (*The Washington Post. 18.05.2021*).

В русскоязычном медиадискурсе Белоруссии модальность оптативности в подобных модально-модусных комплексах чаще выражена грамматически:

> ***Настроение***, как сказал бы Антон Чехов, «***то ли чай пойти выпить, то ли повеситься***». Ноябрь – теперь всем непросто. ***Уйти бы в спячку*** до весны, да кто ж отпустит (*Авангард. 20.11.2021*).

В данном контексте происходит наслоение эмотивности и экспрессивности (единицы, описывающие настроение, одновременно являются и фразовым эпитетом). Эти значения сочетаются с модальностью оптативности, выраженной при помощи формы сослагательного наклонения глагола *уходить*.

В англоязычном медиадискурсе модально-модусные комплексы, содержащие оценочное значение, характеризуются эксплицитным использованием собственно оценочных средств, а также сочетаемостью модусных значений с модальностью необходимости:

> And I don't like the idea that we ***should sweep such stories under the rug*** simply because some people

believe they ***aren't good for the African American brand*** (*The New York Times. 05.02.2023*).

В русскоязычном медиадискурсе Белоруссии оценочное значение в модально-модусных комплексах выражено имплицитно, а его наличие ведет к смещению модальности в сторону императивности, сравните:

Эта история, ***как привет из прошлого***, добавила ***светлой радости*** в стылый ноябрьский вечер. ***Надо обязательно*** записать ее для внуков и почаще разговаривать с родными (*Авангард. 20.11.2021*). – Я эти слова всегда держу при себе на случай, если вдруг ***нахлынет отчаяние*** или ***безысходность***. И, знаете, работает. Вдруг и ***вам пригодится***. ***Забирайте и пользуйтесь*** (*Авангард. 17.02.2022*).

В первом примере комбинация экспрессивного значения в виде сравнения (*как привет из прошлого*) и эмотивности (*светлая радость*) сочетается с модальностью необходимости (*надо обязательно*). А во втором примере, помимо экспрессивности (*нахлынет*) и эмотивов (*отчаяние*, *безысходность*), также присутствует и имплицитно выраженное утилитарное оценочное значение, подчеркивающее ценность описываемых автором слов для читателя (*вам пригодится*), что имеет дальнейшим развитием актуализацию императивной модальности.

Унифицирующей чертой актуализации императивного вида модальности волеизъявления в рассматриваемых комплексах для обеих медийных культур является ее комбинация с эмотивностью и экспрессивным приемом синтаксического параллелизма:

When you find yourself ***spiraling***, ***stop*** what you're doing. ***Go*** outside and ***take*** a walk. ***Remember*** the things you're grateful for and ***let*** the world ***do*** what it's going to do. And ***seek*** out your people. ***Find*** your funniest friends and invite them over (*The New York Times. 07.11.2023*). – ***Проведите*** время с семьей и друзьями, ***устройте*** совместные прогулки или уютные чаепития. ***Обращайте*** внимание на окружающих, ***поддерживайте*** их, ***делайте*** им приятные сюрпризы. ***Не бойтесь изменений, давайте приветствовать*** новый сезон ***с открытым сердцем*** и ***оптимизмом*** (*Гомельские ведомости. 17.10.2023*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные результаты позволяют сделать ряд выводов относительно закономерностей взаимодействия категории модальности с модусами оценки, экспрессивности и эмотивности в англоязычном медиадискурсе США и русскоязычном медиадискурсе Белоруссии.

1. Взаимодействие рассматриваемых модальных и модусных значений в медиадискурсе на двух языках происходит в рамках простых модально-модусных комбинаций, состоящих из одного модального и одного модусного значения (например, модальность возможности + модус оценки) или модально-модусных комплексов, представляющих собой сложные сочетания модального значения с несколькими модусными (например, модальность необходимости + модус эмотивности + модус экспрессивности).

2. Как в медиадискурсе США, так и в медиадискурсе Беларусии простые модально-модусные комбинации характеризуются актуализацией в них преимущественно модальных значений макрополя возможности. Сложным модально-модусным комплексам в большей мере свойственны модальные значения, составляющие макрополе волеизъявления.

3. В отличие от медиадискурса США, где оценка носит преимущественно эксплицитный характер и находится в отношениях кооперации с категорией модальности, в медиадискурсе Белоруссии модус оценочности чаще выражается имплицитно в составе модального оператора.

4. В медиадискурсе США превалируют лексические средства выражения модального значения оптативности, а белорусским медиа в большей мере свойственны грамматические средства выражения того же модального значения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шмелева Т. В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса: сборник научных статей. 1984. С. 78–100.
2. Ляпон М. В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
3. Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. М. : Наука, 1975.
4. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1986.

5. Паўлоўская Н. Ю. Катэгорыя мадальнасці ў сучаснай беларускай мове. Мінск: Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, 2001.
6. Зеленщиков А. В. Пропозиция и модальность. М. : URSS, 2009.
7. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М. : Изд-во иностранной литературы, 1955.
8. Краснова Т. И. Субъективность – модальность (материалы активной грамматики). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского Государственного университета экономики и финансов, 2002.
9. Рябцева Н. К. Ментальный модус: от лексики к грамматике // Логический анализ языка. Ментальные действия: сборник научных статей. 1993. С. 51–57.
10. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000.
11. Кобрина О. А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2 (7). С. 90–100.
12. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М.: URSS, 2017.
13. Зайнуллин М. В. Модальность как функционально-семантическая категория. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1986.
14. Беляева Е. И. Функционально-семантическое поле модальности в английском и русском языках. Воронеж: Изд-во Воронежского университетата, 1985.

REFERENCES

1. Shmeleva, T. V. (1984). Smyslovaja organizacija predlozhenija i problema modal'nosti = Semantic organization of a sentence and the problem of modality. Aktual'nye problemy russkogo sintaksisa (pp. 78–100): A collection of scientific articles. (In Russ.)
2. Lyapon, M. V. (1990). Modal'nost' = Modality. In V. N. Jarceva (ed.), Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. Sovetskaja jenciklopedija. (In Russ.)
3. Vinogradov, V.V. (1975). Issledovanija po russkoj grammatike = Research on Russian grammar. Moscow: Nauka. (In Russ.)
4. Vinogradov, V. V. (1986). Russkij jazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) = The Russian language (Grammatical study on words). Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.)
5. Paulouskaya, N. Yu. (2001). Katjegoryja madal'nasci u suchasnaj belaruskaj move = The category of modality in modern Belarusian. Minsk: Minsk State Linguistic University. (In Belarus.)
6. Zelenshchikov, A. V. (2009). Propozicija i modal'nost' = Proposition and modality. Moscow: URSS. (In Russ.)
7. Bally, Ch. (1950). Obshhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka = General linguistics and the issues of the French language. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury. (in Russ.)
8. Krasnova, T. I. (2002). Subjektivnost' – modal'nost' (materialy aktivnoj grammatiki) = Subjectivity – modality (materials of an active grammar). St. Petersburg: Publishing House of the Saint Petersburg State University of Economics and Finance. (In Russ.)
9. Ryabtseva, N. K. (1993). Mental'nyj modus: ot leksiki k grammatike = Mental modus: from lexis to grammar. Logicheskii analiz yazyka. Mental'nye deistviya (pp. 51–57): A collection of scientific articles. (In Russ.)
10. Gak, V. G. (2000). Teoreticheskaja grammatika francuzskogo jazyka = Theoretical grammar of the French language. Moscow: Dobrosvet.
11. Kobrina, O. A. (2006). Categories of modus as ways of reflecting subjective attitude towards the utterance. Issues of Cognitive Linguistics, 2 (7), 90–100 (In Russ.)
12. Vsevolodova, M. V. (2017). Teorija funkcional'no-kommunikativnogo sintaksisa: Fragment prikladnoj (pedagogicheskoj) modeli jazyka = A theory of functional-communicative syntax: A fragment of applied (pedagogical) language model. Moscow: URSS. (In Russ.)
13. Zainullin, M. V. (1986). Modal'nost' kak funktsional'no-semanticheskaya kategoriya = Modality as a functional-semantic category. Saratov: Saratov University Publishing. (In Russ.)
14. Beljaeva, E. I. (1985). Funkcional'no-semanticheskoe pole modal'nosti v anglijskom i russkom jazykah = Functional-semantic field of modality in English and Russian languages. Voronezh: Voronezh University Publishing. (In Russ)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Глазко Павел Петрович
кандидат филологических наук, доцент
докторант кафедры белорусского языка и литературы
Минского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Glazko Pavel Petrovich
PhD (Philology), Associate Professor
Post-Doctorate Researcher at the Department of the Belarusian Language and Literature
Minsk State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	16.05.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	01.06.2024	approved after reviewing
принята к публикации	14.06.2024	accepted for publication